

– Не фотографировать, не пользоваться кинокамерой, ни, ни, ни, – предупредила меня экскурсовод Лариса Залесская, знакомая мне ещё по Севастополю, а ныне, переезжающая из страны в страну – дорвалась девочка до свободы!

– Так уж – не фотографируй! – не поверил я ей и оказался прав.

Мы с женой фотографировались как окаянные, будто с цепи сорвались!.. И вокруг нас стрекотали камеры и прочие штуки, фиксирующие на века.

Но это – потом!.. А в начале, при входе в музей, на первом этаже – музей мадам Тюссо в Амстердаме многоэтажный! – я даже растерялся. Оглушающий шум встретил наши уши и при невероятном грохоте, с верхотуры нас в упор «расстреляла» какая-то старорежимная личность в ботфортах и камзоле. И пока мы не вскочили в лифт, который немедленно поднял нас на второй этаж, этот «мушкетёр» преследовал нас и далее, но уже не устрашающим своим видом, а электронным голосом. Скрипучий металлический голос вторгся в наши планы. Это чудовище (в темноте ещё не то привидится) оказалось обыкновенным гидом и голос, который мы уже перестали воспринимать, сопровождал нас всё время нашего пребывания в музее.

Не знаю как в других музеях мадам Тюссо (естественно, её потомков), но в амстердамском всё продумано: и время пребывания среди восковых «как живых» – вот именно, как! – личностей, со спецэффектами и прочими выкрутасами.

Я, конечно, обратил внимание на тех, чуть не написал «людей», но вовремя спохватился, не людей, а их восковых двойников, о которых когда-то писал, или были они знакомы мне по романам, фильмам, периодической печати. С ними и фотографировался. И сейчас, выстукивая на компьютере эти строки, сверяюсь с фотодневником. Но первой, с кем я сфотографировался, была Мэрилин Монро – не заметить её было невозможно: искусственный шаловливый ветерок пытался приподнять её короткую юбочку, да так и не смог!

Журнал «Форбс» опубликовал список знаменитых людей, которые и после ухода на Тот Свет, продолжают «делать» деньги. Не для себя, конечно, а для своих родственников! Пример? Пожалуйста! Элвис Пресли. Кроме дисков, на которых записаны его песни, приносящие баснословный доход его близким и дальним, они (близкие и дальние) выставили на аукцион – никогда не догадаетесь! – его коренной зуб и коронку. И, несмотря на немалую стартовую цену в сто тысяч долларов, слегка подпорченный коренной зуб был продан за значительно большие деньги, чем стартовал. Благодарные зубопродаватели в придачу приложили к кореннику ещё и прядь волос. Да за такую цену я б целую челюсть продал с собственным скальпелем в придачу! Это только чудак Нобель распорядился своими богатством так, что оно и сегодня «делает дело». Нет ничего выше и почетнее, чем Нобелевская премия! Вот бы отхватить и не надо с зубами расставаться!

Кроме короля рок-н-ролла есть в том списке и рисовальщик американских комиксов Чарльз Шульц. Тот самый Шульц, нарисовавший собачку Снупи, которую астронавты корабля «Аполлон» избрали своим символом («Аполлон» совершил стыковку с

российским «Союзом» в 1975 году – М.Л.). И певец Фрэнк Синатра, и Джо Леннон – один из знаменитой четвёрки «Битлз», застреленный фанатом в 1980 году... И много ещё деятелей искусства и литературы в том списке... Умели, умели люди жить при жизни, умеют «жить» и после смерти!..

Есть в том списке и Мэрилин Монро!.. Та самая Мэрилин Монро, которая была нежной подругой многих знаменитых и уважаемых мною людей. Не будем сейчас разбираться, сама она умерла или ей «помогли», скажем только: после её смерти не осталось ни цента... А после её ухода, пожалуйста, – миллионерша!..

Когда я самолично попаду на Тот Свет, то отыщу Мэрилин и сообщу ей об этом – пусть порадуетя женщина, которая, не буду скрывать, была и моей мечтой.

И, когда я попал в музей мадам Тюссо и увидел Мэрилин в полный рост, тотчас захотел с нею сфотографироваться – покажу ей и эту фотографию на Том Свете!

Покажу я фото и самому Пабло Пикассо, где я с гением на одной ноге, то есть, пристроился рядом!

Я задам ему множество вопросов, а он пусть мне на них «ответит». Как бывший газетчик, вышедший из электриков, спрошу:

– Глубокоуважаемый Пабло, ответьте мне, почему искусствоведы пишут, что у вас при жизни было несколько периодов – «розовый», «цветочный», «домашний», «чёрный»?

А Пикассо мне скажет:

– Свою долгую жизнь я не делил на периоды, я просто жил. Но на этот счёт я имею своё мнение. Наверное, то время назвали «розовым периодом» потому, что в Париже, на Монмартре, в домике, который назывался «Корабль-мойка» я был молод и счастлив... Бывали в Париже? А на Монмартре?

– Обижаете, Пабло!

– Так вот, в том домике я был счастлив с ...Фернандой Оливье! Это была первая

женщина в моей жизни. Когда я её увидел, во мне вскипела испанская кровь... Вы знаете, что я испанец и этим горжусь!?

– Догадываюсь.

– Моя Фрэда была женщиной экстравагантной. Это она научила меня работать по ночам, а днём отсыпаться на холодном полу... А просыпался я в полдень от выстрелов из пистолета – это Фрэда так будила меня и моих немецких коллег-художников, главное несчастье которых заключалось в том, что они ютились на Монмартре рядом с нами! А позже, когда я познал не только Фрэду, но и многих других женщин, я перебрался в Голландию, и там написал своих «Авиньонских девиц». Упитанные женские тела вытеснили с моих полотен голубых и розовых скелетов... Фрэда, конечно, ворчала. А я отшучивался, и говорил «Настоящий публичный дом и ты, Фернанда, в нём». Но я, брат Михаил Лезинский, что-то не помню, чтобы здесь, в этом доме, находился музей восковых фигур мадам Тюссо?

– А его тогда здесь и не было, вы же были еще живой, а не восковой, уважаемый Пабло! Будьте настолько любезны, ответьте мне и на еще один вопрос: почему ваши женщины не похожи на женщин, а напоминают геометрические кубы и параллелепипеды?! Возможно, отсюда и произошёл термин «кубизм»?!

– Наверняка! Искусствоведам, которых после моего физического исчезновения

развелось как собак не резанных, это лучше известно. Но в этом тоже есть последние проделки Фернанды!

– Почему – последние? Она что... умерла?

– Нет, я её бросил.

– Ради кого?

– Разве это имеет значение? На «розовые» деньги я снял шикарную квартиру, увлёкся африканизмом, законченными линиями древнего Египта и... начался новый период моей жизни. Которому те же искусствоведы дали название «цветочный», и я переехал в Париж...

И ещё много разных периодов было в жизни этого легендарного человека.

Не буду скрывать, есть у меня к нему и претензии – на Том Свете я их ему тоже предъявлю. Я скажу ему – надо подготовиться к смерти, пока живой! Дорогой Пикассо, ну зачем ты из-под своей кисти выпустил голубку, сообщив при этом, что она – символ мира? Эти символы, как бы по-мягче выразиться, малость обнаглели. Скажу больше – сильно обнаглели! И в огромных городах, таких как Санкт-Петербург, Москва, Брюссель, и в Амстердаме, где мы сейчас находимся, их, этих, носящих в клюве пальмовую ветвь мира и клюющих-жующих прямо с рук, видимо-невидимо! Жирных, еле передвигающихся, на кривоватых ногах, да вдобавок охраняемых законом... И ваши голуби и голубки, почтенный господин Пикассо, обгадили все памятники, крыши домов и постоянно норовят «капнуть» на наши головы. Недаром в Петербурге, когда он ещё был Ленинградом, и когда сборная «бригада» голубей мира, мягко выражаясь, обхезала крышу Исаакиевского собора, ленинградцы мысленно написали свои актуальные лозунги: «Да здравствует мир! Только без голубей!»

А дальше я фотографировался с «железной леди» Маргарет Тэтчер, с пятнистым Михаилом Горбачёвым и с Элвисом Пресли.

И тут я всерьез заинтересовался, кто же такая эта мадам Тюссо и с чем её «едят»?

Попытки составления биографии мадам Тюссо

Оказалось, что музей ее именем уже более двухсот пятидесяти лет находится в Лондоне, и что сама его основательница начала свою деятельность... во Франции. И что история ее жизни не менее интересна, чем, скажем, великой авантюристки Де Ла Мотт, так красочно описанной Дюма-отцом.

Прикоснусь робкой рукой к клавишам равнодушного компьютера, чтобы поведать хоть пунктирно вехи её непростой жизни.

Мари Тюссо была дочерью... палача. И весь род её по отцу – палаческий. А к палачам во все времена относились с презрением и одновременно почтением.

Родилась Мари (в девичестве Мария Гросхольц) в городе Страсбурге, что расположился на границе Франции и Германии, 1 декабря 1761 года. Её отец погиб во время Семилетней войны, а мать Марии Анна-Мария, овдовев, устроилась работать экономкой в дом Филиппа Кюртэ – специалиста по созданию восковых фигур. Именно Кюртэ обнаружил у дочери своей экономки незаурядные задатки скульптора и взял её в ученицы.

Впоследствии окажется, что господин Гросхольц не погиб, а бежал от своей неверной жёнушки Анны-Марии, наставившей ему рога с (правильно думаете) Филиппом Кюртэ.

Иначе, – как отмечают многие биографы – зачем бы было Филиппу Кюртэ распознавать таланты в чужом ребёнке, продвигать её по трудной лестнице к славе и, умерев, оставить ей всё своё солидное имущество?

А от кровного отца с редкой профессией – палач, досталась Мари фамилия, чтобы не слыть незаконнорожденной.

И, как ни странно, не навлечь хворобы на благосклонность судьбы, о которой я тоже поведаю. Но несколько позже.

Из Страсбурга доктор Куртэ с семейством перебирается в Берн, а оттуда – в Париж!

«О-о-о, Париж!» – воскликну я ещё не один раз, даже находясь в Амстердаме.

В Париже Куртэ порвал со своей многолетней докторской практикой и занялся шоу-бизнесом на фронте изготовления восковых фигур.

Нет, нет, не изобрёл восковые фигуры, что вы, а впервые занялся именно бизнесом! До него ещё древние римляне снимали посмертные восковые маски, но держали их дома. Так сказать, для внутреннего пользования. И Европа средневековая по церквам своим

устанавливала фигуры святых, литых из воска...

Год 1771. Браком сочетаются будущий Людовик XVI с Марией-Антуанеттой, и Филипп Куртэ смоделировал портреты новобрачных и выставил их на всеобщее обозрение.

Успех был колоссальный, но... денежек не принёс!

Год 1776. Филипп Куртэ и выросшая Мари Гросхольтц создают постоянно действующую выставку восковых фигур – ещё не музей, но уже нечто приближённое к нему.

На всех парижских тумбах – недаром я обратил на них внимание! – развешаны красочные призывные афиши: «Посетите восковой театр знаменитого доктора Кюртэ! Потрясающая выставка! Все фигуры – как живые: бал в Версале! Смерть Клеопатры! Многие знаменитые личности в полный рост: герцог Орлеанский, господин министр Фулон, философ Руссо, поэт Мольер и многие другие».

Перед кассой – а билетами торговала сама Мари! – выстроилась очередь... Даже язвительный Вольтер притопал – ему сообщили, что его изваяние тоже есть на выставке и, что отлила его из воска семнадцатилетняя Мари Гросхольтц и эта её первая работа.

Вольтер приобрёл билет, вошёл в зал и... остолбенел: на Вольтера смотрел Вольтер собственной персоной! Короче, Вольтер весьма похвально отозвался в печати о прекрасной Мари и выставке в целом.

Людовик XVI билет приобретать не стал – король, всё-таки – но выставкой остался весьма доволен. И расплатился щедро: для своего воскового двойника он подарил личный мундир с настоящим орденом, приветливо потрепал Мари по щёчке и пригласил её в Версаль преподавать своей сестре, принцессе Елизавете, изобразительное искусство.

Десять лет прокрутилась во дворце Мари, пока не произошла буржуазная революция, когда многим вельможам отрубили головы, а всю восковую шатию-братию вельможных двойников переплавили.

Двадцатисемилетняя Мари тоже чуть не поплатилась своей головкой – её вместе с матерью заключили в Бастилию. Ей повезло – Мари поместили в камеру, в которой уже сидела будущая жена Наполеона Жозефина Богарнэ, и впоследствии она отольёт её восковую копию. А пока ей доверили снять посмертную маску с головы казненной

Марии-Антуанетты и прочих вельмож.

Долгих два года просидели вместе Мари Гросхольтц и Евгения Богарнэ и в один день вышли на свободу.

У ворот Бастилии мы расстанемся с Жозефиной Богарнэ и переключимся на Мари.

А что Мари!? Мари вновь окунулась в семейный восковой бизнес! Только вместо людовиков появились вожди революции и посмертные маски казненных аристократов.

А потом, не мной замечено, революция «сожрала» своих детей и Мари – совершенно не политизированная Мари! – извлекла и из этого явления пользу для своего бизнеса. После казни Робеспьера огромным успехом пользовалась её картина «Смерть тирана».

И в эти дни родился – а может быть это продукт более позднего времени! – анекдот. А, может быть, и был.

Однажды Людовика XVI спросили:

– Сир! О чём вы так долго беседовали с господином Гиотеном?

– Он изобрёл очень интересную фиговину с морковиной, пальчики оближешь, до чего хороша штукенция!

– Что же он выдумал, сир?

– Гильотину.

– И что, изобретение стоит того, чтобы о нём говорить целых два часа!?

– О! Голову потерять можно...

Изобретение этого господина Гиотена, названное гильотиной, стоило голов не только людовикам!

А у Мари неожиданно возникла проблема. Не возникла – она никогда не исчезала: проблема волос. Поскольку синтетикой тогда не пахло, требовались волосы натуральные. Возникла проблема и тут же разрешилась: Мари воспользовалась фамилией отца из палаческого рода, и самый Главный палач города Парижа разрешил ей срезать волосы с казненных аристократов, потом – с революционеров, вчерашних знакомцев Мари. И эта молоденькая девушка отмывала кровь с отрубленных обезображенных голов, чтобы эти волосы утвердились на восковых двойниках.

А между тем, состарился её настоящий отец Филипп Куртэ и в 1794 году навеки закрыл глаза, не забыв отписать всё своё имущество Мари Гросхольтц.

Жизнь и смерть соседствуют рядом – через год Мари меняет фамилию на Тюссо, выйдя замуж за инженера, и под этой фамилией станет воистину бессмертной, став «матерью восковых фигур».

Но так назовут её потомки, а сегодня, то есть в году 1795 у неё родится сын Жозеф и ещё через год – Франсуа.

Но мысли будущей «матери восковых фигур» далеки от семейных устоев – она по-прежнему снимает маски с гильотированных, и по-прежнему занята больше восковыми фигурами, чем собственной семьёй.

А ещё через год, Мари приходит к мысли, что Франция чересчур беспокойная страна, и она покидает её. Но без мужа и младшего сына. С собою Мари увозит фамилию супруга, старшего сына Жозефа и все восковые фигуры – корабль везёт мадам Тюссо в Англию.

Пусть не покажется странным, но в Англии, в этой незнакомой для себя стране, Мари прибегнет к помощи... палачей! Главный палач города Парижа (фамилии его не знаю – М.Л.) ходатайствовал перед Главным палачом города Эдинбурга Джоном Вильямсом, чтобы тот разрешил Мари Тюссо снимать посмертные маски с казненных преступников. Воистину, палачи всех стран, соединяйтесь!

А недавно, (в 2003 году – М.Л.) на аукцион в Париже были выставлены дневники последнего профессионального палача Франции Анатоля Дебле. В этих дневниках, исписанными карандашом и чернилами, изобилующая деталями и точными датами хронология казней: где, когда и при какой погоде окончил жизнь свою грабитель, отцеубийца, анархист, пират или безумец. Поднявший руку на род свой – безумец!

Может быть, в дневнике том есть и фамилии тех, с кем имела дело мадам Тюссо!?

Но вернёмся от дня сегодняшнего ко вчерашнему-позавчерашнему!

А прославлять восковые фигуры и картины мадам Тюссо будет начинающий журналист, впоследствии ставший всемирно известным писателем Чарльзом Диккенсом.

Умерла мадам Мари Тюссо в 1850 году в возрасте 89 лет. И до самой смерти занималась делами музея.

И детей своих Жозефа и младшего Франсуа, который став взрослым, переехал из Парижа в Лондон, приобщила к делам своим.

И потомки – дети детей! – продолжают вести её дело. С успехом.

Совсем недавно – ох, эти дети детей! – в лондонском музее мадам Тюссо установили фигуру... Ясера Арафата! Это в традиции семейства Тюссо. Когда-то Мари изобразила кровавую сцену казни Робеспьера и так называемую «пыточную комнату», которая популярна до сих пор. А на стенах той «комнаты пыток» – лица маньяков-убийц. Так почему же среди убийц не найдётся места Ясеру Арафату?

Одно вызывает недоумение: почему растопыренные пальцы Ясера демонстрируют букву «V», что по-английски означает «виктория», то есть, победа? Тем более автор этого жеста Уинстон Черчилль.